

«Я отдыхаю только в моём любимом Петергофе», — любил повторять Николай I. Под отдыхом государь подразумевал не только спокойную размеренную «дачную» жизнь, но и возможность побыть обыкновенным частным лицом, по-домашнему, без церемоний пообщаться с женой, с удовольствием поиграть с детьми. Дочь императора великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Папа вставал летом в семь часов утра и, в то время как одевался, пил свой стакан мариенбадской воды, потом шёл гулять с верным пуделем, а часто и в обществе Чичерина и Орлова, в Монплеизир, чтобы выпить там свой второй стакан минеральной воды. После этого он садился в экипаж с Эрдером, своим любимым садовником, осматривал работы в парке. Ровно в девять часов он уже был в Петергофском дворце, на докладе министров. Это длилось до обеда; затем следовали до двух часов осмотр караулов, парады или же представления чиновников. Но когда за ним закрывались ворота нашего Летнего дворца, все заботы государства и власти оставались позади, и он предавался только радостям семейной жизни»¹. Именно в Петергофе император получил возможность воплотить в действительность эти радости и мечту о создании собственного домашнего пространства для своей семьи.

В живописном уголке природы на берегу Финского залива государь повелел построить дачу с пейзажным парком и назвал её в честь любимой супруги Александрией. Коттедж — небольшой дворец в английском стиле, воздвигнутый по проекту архитектора А. А. Ме-

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Анна СИДОРОВА

РАДОСТИ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Летние каникулы детей Николая I в Петергофе

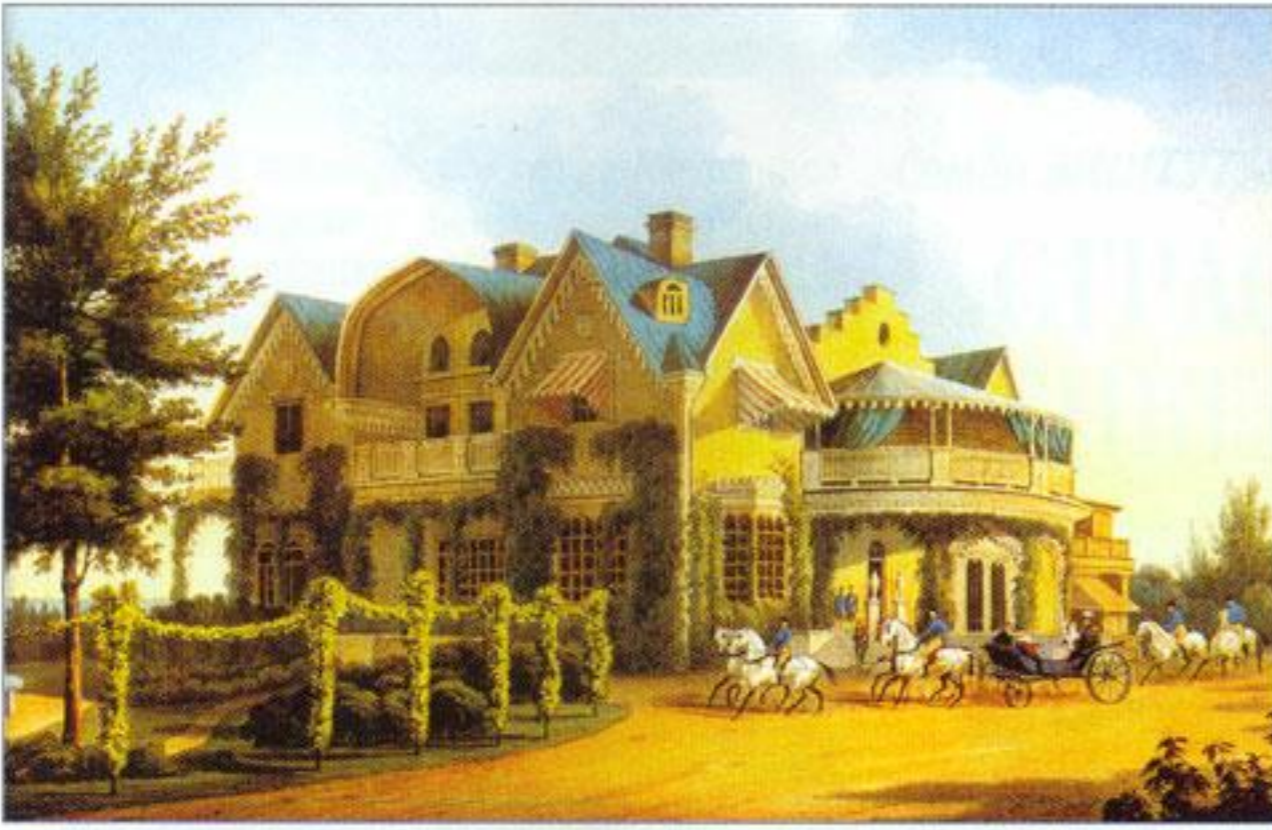
неласа в 1829 году, воплотил романтические настроения императрицы и стал для супругов любимым, уютным «гнездышком», переезда в которое всегда с нетерпением ждали. Семью детей Николая Павловича и Александры Фёдоровны, несмотря на явную любовь к Александровскому парку Царского Села, разделили привязанность родителей к живой атмосфере простого и непринуждённого петергофского быта и донесли её до нас в своих дневниках и письмах.

Если весну и осень августейшее семейство проводило в Царском Селе, то в петергофской Александрии проживали в самый разгар лета — с июля по середину августа, когда погода благоприятствовала для купания в Финском заливе. Император, императрица и великие княжны Мария, Ольга и Александра проживали в Коттедже. «Наши комнаты в Летнем дворце, находившиеся вблизи от Папа, были очень маленькими. Мы проводили большую часть дня на балконах, которые нам служили и классами, и столовыми», — вспоминала Ольга Николаевна. Неудивительно, что свои балконы и живописные виды, открывающиеся с них, великие княжны любили

Вид Фермы в Александрии.

Копия с рис. А. И. Зауервейда. 1833 г. Изображены: за мольбертом цесаревич Александр Николаевич, рядом с ним великие княжны Мария и Александра Николаевны, на дорожке — великая княжна Ольга Николаевна; на дрезине — И. М. Виельгорский, на заднем плане на ходулях — А. В. Паткуль.

Е. Ботман. Портрет императора Николая I. 1849 г.

Петергоф. Парк Александрия. Дворец Коттедж. Первая половина XIX в.
Г. Чернецов. Комната в Коттедже. 1831 г.

зарисовывать в альбомах. Вокруг Коттеджа располагались постройки, служившие местопребыванием остальных членов семьи. Наследник Александр Николаевич со своими воспитателями, а затем и с собственной семьёй располагался в здании Фермы, сооружённом в 1830 году. Для Константина Николаевича, будущего генерал-адмирала, на нижней террасе парка, ближе к морю, в 1830-е годы построили отдельный каменный дом, получивший название Адмиральского. Младшие великие князья Николай и Михаил Николаевичи располагались в бывшей служебной пристройке близ Коттеджа, переделанной для них в конце 1830-х и получившей название Великокняжеского домика.

В 1840 году по проекту архитектора А. И. Штакеншнейдера во дворе Великокняжеского домика была сооружена небольшая пергола-беседка из шести четырёхгранных колонн, увенчанных шестью чугунными вазами, «открытая с восточной стороны и увитая зеленью по трельяжному каркасу»². В 1845-м к перголе были пристроены ещё несколько колонн, и великий князь Николай Николаевич отметил в своих записях: «Наша пергола теперь так густа, что днями там можно читать, и переменился наш садик, он сделан террасой и вместо каменной лестницы в сад сделана чугунная, и к перголе прибавлены ещё три колонны. Доктора приказывали Мама́ ходить к нам в перголу, чтобы быть в тени и в прохладе»³. Пергола стала любимым местом времяпрепровождения младших великих князей в жаркие дни: здесь они читали, рисовали, играли в солдатиков. Впоследствии по образцу этого сравнительно небольшого сооружения была построена крупная пергола при Фермерском дворце. Рядом с домом великих князей располагалась также голубятня, подаренная Александрой Фёдоровной великому князю Николаю в день его рождения: «Поздравляя Низи (домашнее имя великого князя. — А. С.) и Мама́ ему дала славную готическую голубятню и Василий Сергеевич (Корф, воспитатель великих князей. — А. С.) дал ему и мне по голубю»⁴, — записал Михаил Николаевич в дневнике 27 июля 1842 года.

Все члены августейшего семейства находили особенную прелесть жизни в непосредственной близости друг от друга, чего они были лишены в столичном Зимнем дворце, обладавшем бесчисленным количеством комнат и анфилад. Однако лица придворного окружения весьма скептически относились к подобному образу жизни. Язвительная фрейлина А. Ф. Тютчева с недовольством описывала условия жизни в Петергофе, а воспитатель Константина Николаевича Ф. П. Литке в 1837 году отмечал: «Лет через 50 посетители Александрии не будут понимать, как мог тут помещаться царь русский со всем своим домом, и не будут верить рассказам о том, как это делалось; не поверят, например, что царь не мог посадить у себя за стол более 12 человек, что 3 его дочери, взрослые, жили в двух комнатах вместе с своими гувернантками, возле государева кабинета, чтобы уроки брать, должны они были ездить за две версты в Петергоф, что гувернантка, ночующая у великих княжон, должна была ездить за те же две

версты раздеваться на ночь, а проснувшись поутру, сей час садиться в карету и ехать туда же одеваться, потому что не было для того угла в Коттедже, что один его сын должен был жить на ферме с коровами, другой в другом домишке под горой. А если уж поверит этому, то сам легко догадается, что все мы, несчастные члены педагогической касты обоих полов, считали петергофскую жизнь некоторого рода чистилищем, необходимым для очищения наших грехов, чтобы заслужить несколько покойных дней в остальное время и уметь их ценить. Но это покажется уже совершенно невозможным, что все Их Императорские Высочества, и старые, и малые, всё это приписывали капризам, и находили эту жизнь бесподобною, покойною, весёлою»⁵.

Распорядок дня императорских детей в летнее время был достаточно спокойным и размеренным. В соответствии с программой

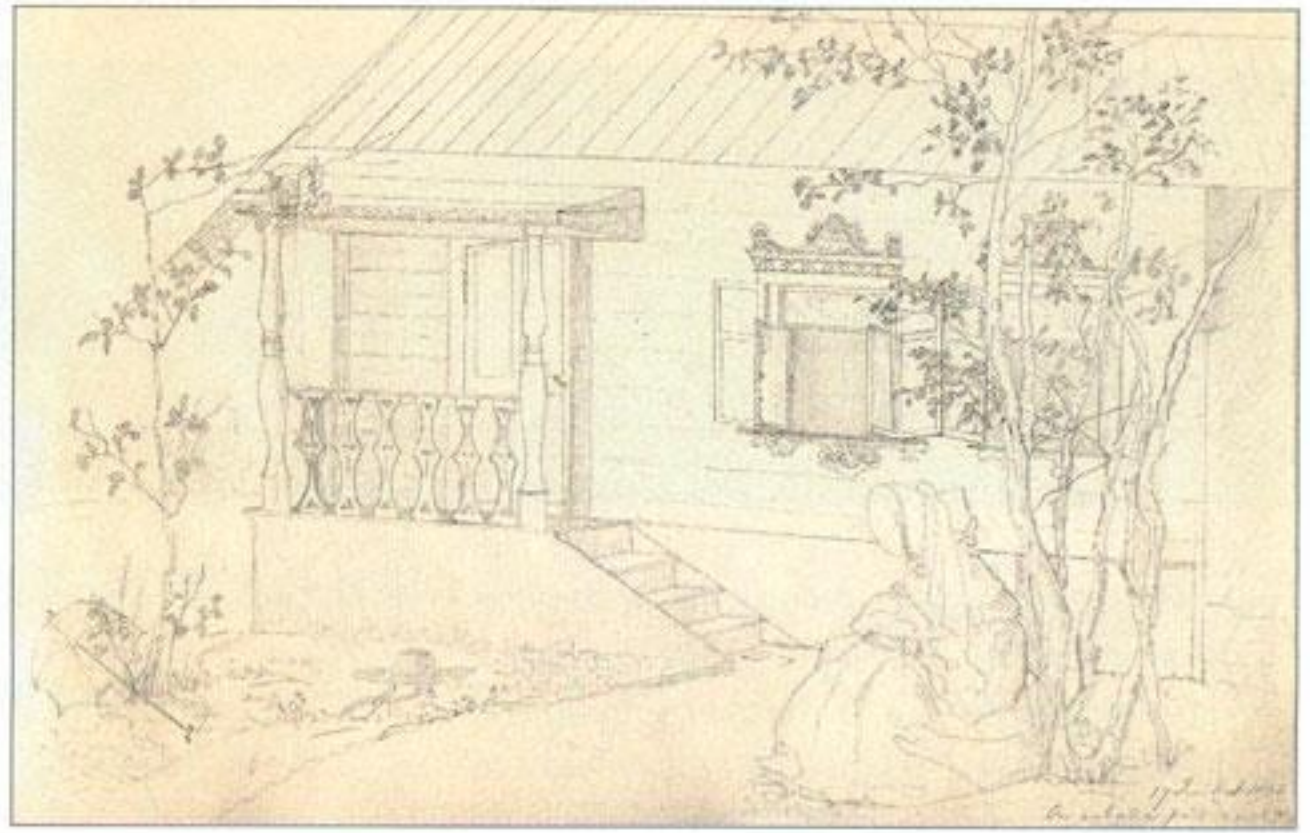

воспитания, исключавшей любое праздное времяпрепровождение, утренние часы посвящались всевозможным полезным занятиям: урокам Закона Божия, чтению нравоучительных книг, собиранию гербариев для уроков ботаники, выполнению заданных на лето уроков. Для практического ознакомления с правилами и обязанностями военной службы великие князья вместе с кадетами во время каникул выступали в летний лагерь в Петергоф, бытовые условия которого были приближены к быту походных военных лагерей. Здесь на практике изучали строевую, полевую и караульную службу, участвовали в ротных и батальонных учениях, занимались глазомерной и инструментальной съёмкой местности, инженерными работами, стрельбой из ружей. Вместе с кадетами старших курсов великие князья принимали участие в общих войсковых парадах, в большом Петергофском разводе, в манёврах на Петергофской дороге. Кадеты часто приглашались во дворец, где вместе с сыновьями императора играли, занимались гимнастическими упражнениями, штурмовали фонтан перед Большим дворцом. Такое общение давало возможность великим князьям познакомиться с кадетами как со своими будущими сослуживцами и подчинёнными.

Солнечная, жаркая, «лейб-гвардии петергофская» погода, как её называли в семье, способствовала всевозможным играм и забавам на свежем воздухе, езде верхом, плаванию в Финском заливе на лодках и катерах, купанию. Недалеко от берега Александрии на море ежегодно с 1838 года сооружалась купальня, состоявшая из деревянного, обитого тканью павильона, помещённого на бревенчатый плот с мостками, сваями, настилкой и перилами. А в обширном парке Александрии располагались спортивные площадки, беседки, перголы, миниатюрные детские постройки.

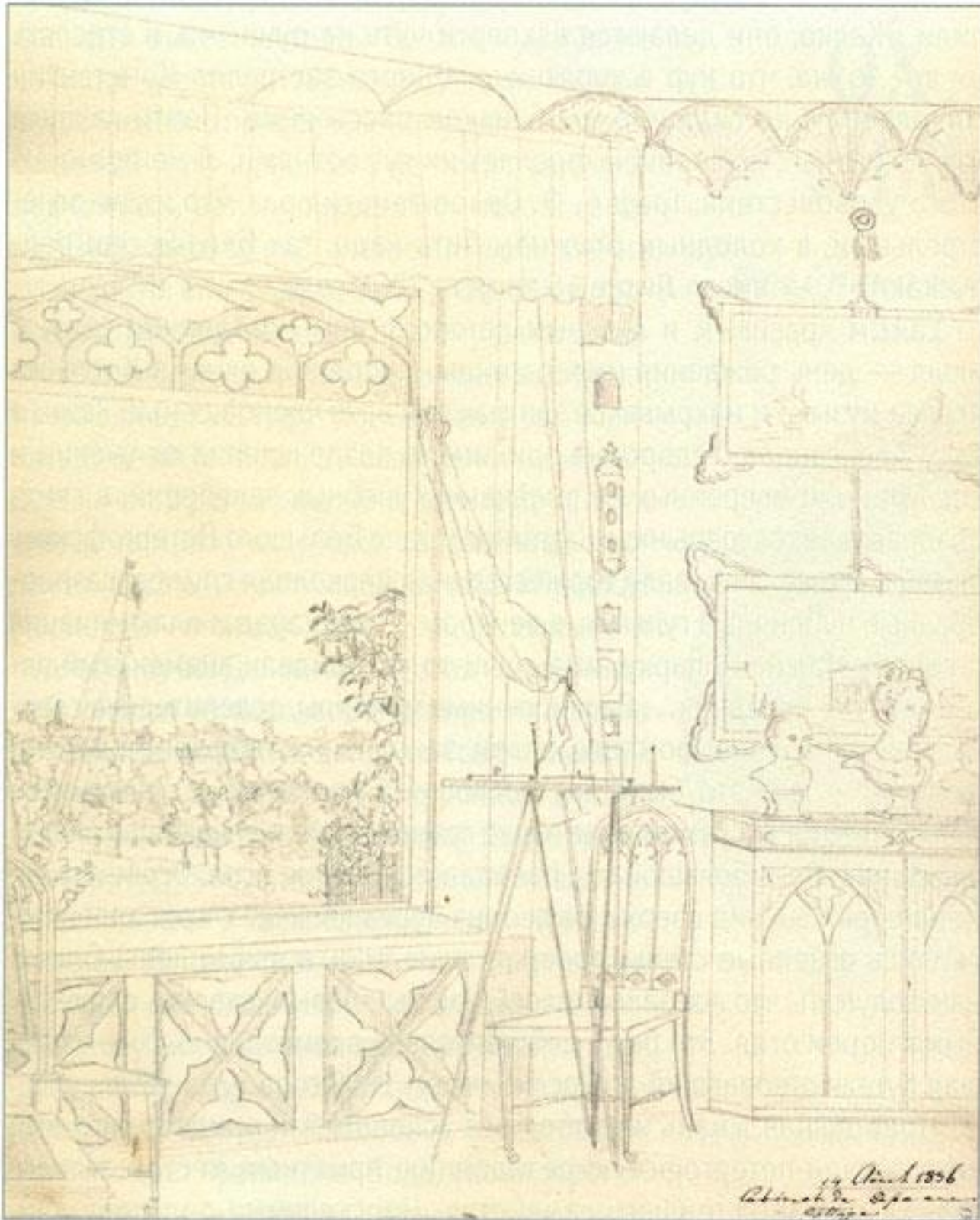
На устроенной в 1834-м и специально оборудованной по проекту учителя гимнастики А. И. Линдена площадке для гимнастических игр и упражнений имелись кегли, качели, доска для прыгания через

верёвку, брусья, поручни для качания на руках, беговые дорожки⁶. Но, пожалуй, самой любимой гимнастической конструкцией была так называемая «сетка» — высокая корабельная мачта со всеми снастями и верёвочными лестницами, окружённая у основания натянутой на столбы сеткой для прыжков. На ней великие князья Николай и Михаил упражнялись в лазании, а великий князь Константин, предназначенный отцом к морской службе, вместе со своим дядькой Ф. С. Лутковским учился выполнять необходимые моряку приёмы. «Были на сетке и примеряли марсель, великий князь сам привязывал парус и продевал все снасти, что, как казалось, очень его занимало, и он усердно работал»⁷, — отмечал в дневнике Лутковский. Возле гимнастической площадки подобно тому, как было в Александровском парке Царского Села, для детей были разбиты

Великая княжна Мария Николаевна. Сельский домик возле Коттеджа. 1836 г.

Великая княжна Мария Николаевна. Кабинет Папá в Коттедже. 1836 г.

небольшие огороды, на которых они собственноручно сажали рожь, деревья, рыли маленькие водоёмы для поливки саженцев.

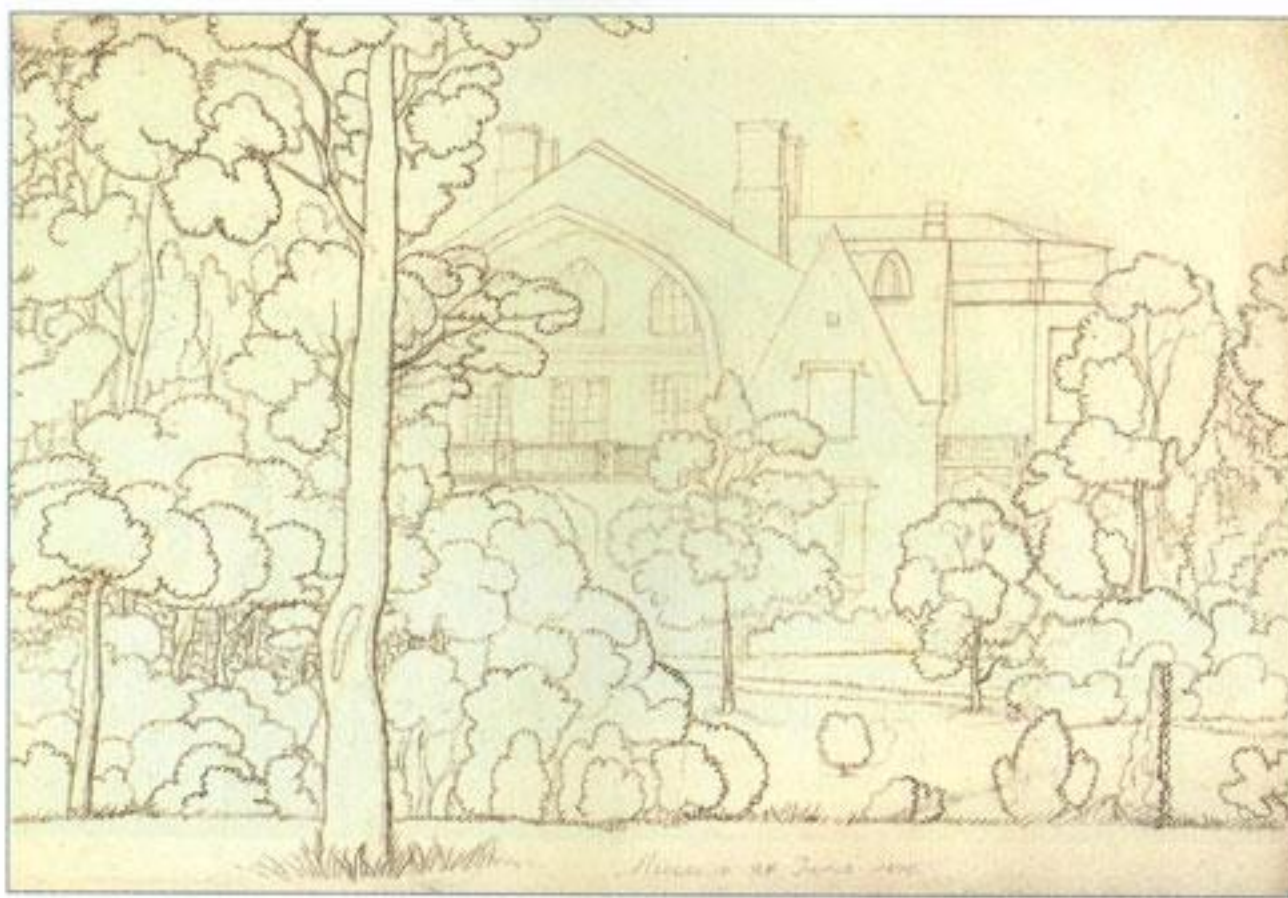
В 1836-м по проекту архитектора И. И. Шарлеманя для детских игр был выполнен переносной «сельский домик», который размещался неподалёку от гимнастических конструкций в Александрийском парке. Миниатюрная постройка в «крестьянском» стиле имела резное деревянное крыльцо с двумя столбами, шесть окон, двери и фронтоны, украшенные резными наличниками ясеневое дерево. Внутри были две маленькие комнаты с сосновыми полами⁸. Эта постройка запечатлена на рисунке 1836 года, выполненном великой княжной Марией Николаевной. Впоследствии «подвижный сельский домик» детей Николая I послужил прототипом для сооружения в 1850-х годах подобной постройки для детей Александра II, которую летом устанавливали близ Фермерского дворца.

Царские дети играли не только между собой, но также со своими товарищами и сверстниками. Ко двору часто приглашались кадеты, вместе с которыми играли в прятки, кошки-мышки и горелки, в вола-ны и мячик, а также строили крепости из песка, катались на лодках, ходили на ходулях. Последняя забава особенно стала популярна среди детей императора после того, как на должность помощника

воспитателя к великим князьям Николаю и Михаилу в 1838 году был приглашён барон В. С. Корф. «Вчера согласно с дозволением Вашим штабс-капитан барон Корф приглашён был к обеду, после которого он учил детей ходить на ходулях, чему сам превеликий мастер, дети были этим очень довольны»⁹, — сообщал воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей А. И. Философов государю. В дневниках великого князя Михаила встречаются записи о том, что они играли и спали на сене на ферме старшего брата. В переписке и дневниках детей часто упоминается игра в «казаков и чеченцев», которая, очевидно, была навеяна Русско-турецкой войной 1828-1829 годов. В донесениях К. К. Мердера императору о занятиях и времяпрепровождении наследника Александра Николаевича за 1828 год читаем разъяснение этой игры: «Играли в новую игру: казаки и чеченцы. Путешественники для проезда через горы берут казачий конвой. Чеченцы нападают, казаки защищаются. Казак берёт в плен чеченца, буде развяжет у него на левой руке платок. Чеченец берёт в плен казака, если снимет с него фуражку»¹⁰.

Традиционными «сельскими» занятиями на отдыхе в Петергофе были рыбная ловля и сбор грибов. Ловля рыбы, особенно любимая младшими великими князьями Николаем и Михаилом, совершалась на прудах возле дворца Марли. Автор известного «Описания Петергофа» А. Гейрот в 1868 году сообщал: «В царствование Петра I-го для этих прудов доставлены были из Пруссии язи, головни, судаки и сазаны. В прудах этих и теперь ещё ловятся сазаны, язи и другие рыбы. В большом марлинском пруде рыба, по звону колокольчика, подходит к самому берегу, откуда бросают ей корм, отпускаемый ежегодно в количестве двух четвертей ржаной муки»¹¹. «Ловил рыбу в Марли, и мы поймали 31 штуку»¹², — записал великий князь Михаил Николаевич в своём дневнике 30 мая 1843 года. Довольно часто в детских дневниках и письмах Константина, Николая и Михаила можно встретить записи типа «искал грибов» — занятие, которое мальчики совершали в сопровождении старших сестёр Ольги и Александры в парке Александрии. Рыба и грибы, собственноручно добытые царскими детьми, готовились придворными поварами и поступали на детский обеденный стол¹³.

Время приёма пищи императорских детей было подчинено их распорядку дня, поэтому в большинстве случаев они завтракали и обедали в своих помещениях в обществе воспитателей. Ужинали в основном с родителями, но полдник в обязательном порядке проходил в обществе матери и был необыкновенно любим всеми членами семьи. Полдник для императрицы накрывали в петергофских павильонах и дворцах — в Марли, Эрмитаже, Монплезире, многочисленных беседках и домиках в русском стиле. На стол подавали чай, молочные продукты, печенье, бисквиты, ягоды и фрукты¹⁴. Важным элементом этикетного воспитания детей было не только приучить их

Великий князь Михаил Николаевич. Дворец Коттедж в Петергофе. 1840 г.

к простой и рациональной обстановке, но также развить в них умеренность в еде. Ольга Николаевна в своих воспоминаниях о детстве писала: «Папа распорядился, чтобы на наш стол употреблялись 25 серебряных рублей: одно блюдо на завтрак, четыре блюда в обед в три часа и два на ужин в восемь часов. По воскресеньям на одно блюдо больше, но ни конфет, ни мороженого»¹⁵.

Детям давали самую простую пищу. Литке так описывал рацион своего подопечного в 1842 году: «С самого детства старался я приучить Константина Николаевича к умеренности в пище. Обед наш состоит из 4-х блюд самых простых; соусы, пряности безусловно изгнаны из нашей кухни. Завтрак в полдень состоит из чашки бульона, яйца всмятку, простокваши, какой-нибудь зелени. Поутру или ввечеру имеет он чашку молока с хлебом»¹⁶. Любимыми, но редкими лакомствами великих князей Николая и Михаила были Выборгские калачи, сухари, фрукты (апельсины, земляника, вишни, арбуз) и особенно раки — любимое всей императорской семьёй петергофское кушанье. «За ужином в Александрии подавались цельные раки, что причинило общую семейную радость!»¹⁷, — отметил 30 июня 1846 года великий князь Константин.

Воспитатели зорко следили за детьми за столом, жёстко ограничивая и напоминая, что, «ежели положить в чай пол чашки сиропа, то будет уже лакомство и прихоть», что «нет никакой надобности» намазывать масло, «особенно кушая крендели, которые пекутся с маслом». Такое ограничение, преследовавшее воспитательные цели (особенно для великих князей, которых как будущих военных готовили к суровой лагерной жизни), порой приводило к обратным результатам. Константин Николаевич иногда тайком брал с полдника у императрицы бисквиты и кусочки сахара, чтобы полакомиться ими во время вечерних игр, но после всегда раскаивался в содеянном, записывая этот проступок в дневник и рассказывая об этом своему воспитателю. О том, как великие князья ведут себя за столом, неизменно докладывалось императору в общих рапортах о поведении детей.

Тихая частная жизнь царской семьи в Александрии в определённые дни сменялась разнообразными праздниками, торжествами, выездами на охоту в петергофский зверинец, устроенный в 1835 году около местной охотничьей слободы. Здесь содержались медведи, волки, лисицы, зайцы, хищные птицы для императорской охоты. Сам Николай I в сопровождении иностранных родственников, гостивших в Петергофе, часто приезжал сюда на охоту. Поохотиться любили и великие князья. «Была охота в релизе и всего-навсего было убито до 200 зайцев. Я настрелял 12», — записал в дневнике великий князь

Константин 17 августа 1846 года. А его воспитатель, граф Литке, в августе 1838-го сообщал: «Ездили на охоту в зверинец, выученный филин привязывается к шесту, хищные птицы слетаются на него, а охотники, караулящие в нарочно сделанной будке, их стреляют. Прождав час или полтора, Константин Николаевич подстрелил одну только ворону. Здесь очень много хищных птиц. Я боюсь, не съели ли соловья, который нас так восхищал весной»¹⁸.

С целью охоты в Английском парке при Николае I было устроено также «фазанное заведение», где за птицами ухаживали два егеря, специально приглашённые из Чехии. «Ввечеру в зверинце на охоте фазанов. Мне хотелось дать Константину Николаевичу понятие об охоте. Выпустили из мешка двух фазанов и скоро застрелили. Жалко, они делаются взаперти чуть не ручными, и стрелять их всё то же, что кур в курятнике. Одного застрелил Константин Николаевич, но сидячего и в близком расстоянии. Почти каждый год государь с компанией стреляет их тут сотнями. Я не понимаю этого удовольствия. Граф А. Ф. Орлов заметил раз, что их не огнестрельным, а холодным оружием бить надо, так близко они подпускают»¹⁹, — писал Литке 16 августа 1838 года.

Самым красивым и пышным петергофским праздником было 1 июля — день рождения императрицы. С утра под окнами Коттеджа играла музыка и накрывался завтрак для всех членов семьи. Затем в саду Александра Фёдоровна принимала поздравления от учениц и воспитанниц вверенных её попечению учебных заведений, а свита поздравляла государыню в Картинном зале Большого Петергофского дворца. Далее следовали торжественная церковная служба, разнообразные публичные гуляния, а вечером — маскарад и иллюминация по всему Нижнему парку. «Наконец-то мы увидели знаменитый петергофский праздник... Бесчисленные мундиры, ослепительно сверкающие на солнце, фонтаны, аллеи, заполненные нарядно одетыми людьми, — всё это было как роскошный спектакль... Знаменитая иллюминация и в самом деле нечто грандиозное и превзошла любые ожидания. Весь большой сад превратился в море огня. Особенно замечателен был вид сверху, от дворца через каскад. У всех аллей появились огненные стены, превратившие ночь в яркий день. Стоило нам подумать, что всё закончилось, как мы вновь оказались окружёнными морем огня. Это было действительно великолепно»²⁰, — сообщал путешествовавший по России летом 1839 года Эуген Хесс.

Привольная жизнь и свобода от условностей придворного этикета делали петергофскую резиденцию приятным местом летнего отдыха для августейшего семейства. Царственные родители считали, что дети имеют право на детство независимо от их происхождения и общественного статуса, и позволяли им наслаждаться весёлыми играми и забавами в петергофских парках. На замечания придворных дам о неприличности для царских детей гулять без шляп и перчаток, прыгать через заборы и валяться на сеновале император отвечал: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придётся научиться обособленности от всех остальных»²¹. Семья Николая I проводила здесь самые весёлые месяцы, а дети зарисовывали дорогие сердцу уголки парка, чтобы подарить эти рисунки родителям в память об очередном счастливом лете в Петергофе. Сам император и на смертном одре простился со своей резиденцией, где он был по-настоящему счастлив как муж и отец. Одними из последних его слов, обращённых к детям, были: «Передайте привет моему любимому Петергофу...»²²

Примечания

1. «Сон юности». Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны. 1825–1846// Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С. 192.
2. Юмангулов В. Я. Архитектура малых форм и скульптурное убранство парка Александрия// Петергоф. Альманах. Из истории дворцов и коллекций. СПб. 1992. С. 16.
3. ГАРФ. Ф. 646. Оп. 1. Д. 1. Л. 236 об.–237.

4. Там же. Ф. 649. Оп. 1. Д. 12. Л. 23 об.
5. Там же. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1111. Л. 48 об.
6. Бахарева Ю. Ю. Детские постройки в императорских и великокняжеских резиденциях//Императорская Гатчина. Материалы научной конференции. СПб. 2003. С. 92–93.
7. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 27. Л. 351.
8. Юмангулов В. Я. Указ. соч. С. 25.
9. ГАРФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 522. Л. 18.

10. Там же. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1547. Л. 33.
11. Гейрот А. Описание Петергофа. СПб. 1868. С. 67.
12. ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 13. Л. 94.
13. Там же. Д. 17. Л. 86 об.
14. Императрица Александра Фёдоровна. СПб. 2008. С. 165.
15. «Сон юности»... С. 243.
16. ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1113. Л. 126.
17. Там же. Ф. 722. Оп. 1. Д. 86. Л. 2 об.

18. Там же. Ф. 1463. Оп. 1. Д. 1111. Л. 179 об.
19. Там же. Л. 180.
20. Хесс Э. Русский дневник. СПб. 2007. С. 29.
21. «Сон юности»... С. 191.
22. «Любил, люблю, не разлюблю...». Петергоф императора Николая I//Второе дыхание. Гатчина и Петергоф в эпоху императора Николая I. Буклет выставки. СПб. 2011. С. 17.